

— Не просто хорошо! — выпалил Август. — Будь я не в курсе, что ты — бабник, а мой отец — безумно влюблён в мать, я бы заподозрил вас в какой-нибудь извращённой немецкой игре!

— Видишь, я тоже могу хорошо относиться к человеку, — Ричард II принялся доказывать свою правоту. — Но вопрос в другом: зачем мне любить своих детей?

— Что? — Август остолбенел.

— Тебе повезло быть сыном Вильгельма. Марии не повезло быть моей дочерью. Вот и всё.

Значение Марии и других для Ричарда II было сродни значению Рафаэля — он вынужден был мириться с их существованием, но это не обязывало его их любить.

— Я дал им жизнь, обеспечил кровом и пищей. Я выполнил отцовский долг.

— Тогда почему тебя так волнует, ненавидит ли тебя Мария?! — не поверил Август.

— Если твой сожитель, с которым ты вроде ладишь, вдруг заявит, что ненавидит тебя, — тебя это оставит равнодушным? — резонно парировал Ричард II. — Я не ждал, что Мария будет меня любить, равно как и она не должна ждать этого от меня. Но хотя бы не ненавидеть, верно? Я ведь её не ненавижу.

— ...Чего же ты тогда хочешь?

— Мирного сосуществования? — нахмурившись, после недолгого раздумья ответил Ричард II. — Самые близкие незнакомцы.

Продолжение рода заложено в мужской природе; беззаветное возвращение потомства — в женской. По крайней мере, Ричард II был в этом убеждён. Он соглашался, что и зверь не тронет своего детёныша, но и не считал, что ради детей стоит жертвовать всем.

— И ты надеешься на мирное сосуществование после того, как запер Марию в Тауэре рядом с её дедом? — на сей раз даже Августу захотелось посмеяться над дядиной наивностью.

— Наверное, нет, — кивнул Ричард II.

Именно поэтому он пребывал в такой прострации. Он был эгоистом, неспособным быть отцом, но при этом не желал, чтобы дети ненавидели его за это. Откуда взялась такая уверенность? Вероятно, от осознания своего королевского статуса. Он постоянно вращался среди женщин и министров, вынужденных ему льстить.

Август окончательно оставил попытки понять причудливую логику дяди.

— Похоже, ты и не собираешься добиваться её прощения.

Ричард II не стал отвечать сразу, а задал встречный вопрос:

— А ты думаешь, она меня простит?

— Нет! — твёрдо заявил Август.

— Я тоже так думаю, — кивнул король. — Так к чему тогда стараться?

— Ну... чтобы она в конце концов не возжелала тебя убить? — Ричард II, конечно, не считал

Марию на это способной, но сама мысль, что собственное дитя ненавидит тебя смертельно, уже удручала.

— В твоих словах есть резон. Так что же ты предлагаешь? — Ричард II запрокинул голову, глядя на ослепительно-золотые волосы Августа. В них ему виделся старший брат в детстве. Тот тоже любил смотреть на него сверху вниз, сокрушённо вздыхая: «Что же мне с тобой делать, Ричард?» — и решая все его проблемы.

— Я предлагаю... нет, умоляю — отпусти Марию. Если не хочешь налаживать отношения, хотя бы не усугубляй.

Иначе мисс Мария и впрямь может когда-нибудь занести над тобой кинжал.

— А как же моя репутация? — стоило Ричарду II выйти из меланхоличного настроения, как он вновь превращался в того самого тирана, который бесил всех вокруг.

— Ты предпочитаешь репутацию — дочери? — не поверил своим ушам Август.

— Да, — Ричард II смотрел на него с неподдельным недоумением. — Что здесь непонятного?

— ...Да в тебе вообще ничего непонятного нет! — вырвалось у Августа.

— Ты и вправду, как говаривал Вильгельм, легко поддаёшься на провокации, — усмехнулся Ричард II.

Он попытался перевернуться... но не смог подняться. Лишь с помощью Августа ему удалось усесться на мягкую кровать. Отдышавшись, он продолжил:

— Ладно. Предложи мне план, как поступить с Марией. Если понравится — сделаю по-твоему. Не понравится — по-своему. У тебя один шанс. Начинай.

— А можно мне...

— Без посторонней помощи, — Ричард II был готов сделать племяннику одолжение, но не собирался позволять кому бы то ни было указывать себе. Да и кого мог позвать Август? Разве что Рафаэля, того бастарда.

Август растерялся:

— Можно подумать?

— Конечно, не стесняйся, — Ричард II дёрнул за шнурок у изголовья.

Дежурный слуга немедленно постучал в дверь:

— Чем могу служить, ваше величество?

— Принесите Олу холодного соку, а мне — бутылку греческого сладкого вина. Да и закусок не помешает.

Король приготовился к долгой дискуссии.

Но Август быстро нашёлся. Осторожно, глядя на дядю, который продолжал восседать на кровати, олицетворяя одиночество, спросил:

— Ты слышал о том, как повышают, понижая?

— Разумеется, — Ричард II не любил заниматься государственными делами, но это не означало, что он в них не смыслил. Его даже заинтересовало, откуда племянник почерпнул такие познания. Глуповатый отпрыск брата постоянно его удивлял.

— А что?

— Тогда давай сделаем наоборот: понизим, но повысив.

— Хм?

— Ну... — Август сглотнул. Он был совершенно не уверен в себе и не знал, пойдёт ли это Марии на пользу. Он действовал наобум, думая лишь о том, чтобы выволить её из Тауэра. — Отправь Марию в другое графство, чтобы вы какое-то время не виделись. Когда страсти улягутся, можно будет вернуться к этому вопросу.

— Куда, например? В Оксфорд?

— Да, — кивнул Август. — Понизим, но повысив. Генри — хороший человек. С ним Мария будет счастлива.

— А что с этого буду иметь я? — Ричард II и Август наконец-то заговорили начистоту, отбросив церемонии. Король мысленно отметил, что так куда лучше. Играть роль доброго дядюшки перед племянником было утомительно. Он и не думал, что эта ложь способна пробудить в мальчишке искренние чувства. Если бы не постоянные напоминания Черного Принца в письмах, он бы и не стал притворяться. Теперь же стало легче и ему, и, вероятно, Августу.

Август чуть не поперхнулся, но выдавил:

— Хотя бы то, что в будущем твоя дочь не откажется прийти на твои похороны!

Мария и впрямь была способна на такое — ведь Ричард II запретил ей присутствовать на похоронах матери.

— Я могу оставить завещание: если не явится — не получит ни пенса, — серьёзно поразмыслив, столь же серьёзно ответил Ричард II. — Вот, проблема решена.

— ... — Август начал понимать, почему мисс Мария постоянно на взводе. С таким отцом кто угодно свихнётся. — Ты можешь заставить её прийти на похороны, но не заставишь скорбеть искренне. Из всех присутствующих лишь мой отец будет горевать по тебе. Тебе не кажется это ужасным? По крайней мере, мне и отцу — кажется.

Характер его болтливой отца, настоящего мужчины, не позволил бы тому заплакать даже сквозь внутреннюю боль. На похоронах матери Августа он вёл себя точно так же. И в этом тоже была вина Вильгельма II, приучившего сына никогда не выказывать слабость.

— А ты по мне заплачешь? — Ричард II подпер подбородок рукой, с интересом глядя на Августа.

Тот замер, затем ответил:

— Наверное, да.

В конце концов, Ричард II относился к нему лучше всех. Да и характер у Августа был такой — он легко поддавался эмоциям, слёзы лились бы рекой.

— Отлично, договорились, — Ричард II по-прежнему сохранял легкомысленный тон. Он протянул Августу небольшой значок. — Если поклянёшься, что я больше никогда не увижу Марию, можешь взять это и вызволить её из Тауэра. Остальное я поручу подходящим людям.

Мария вскоре сможет стать женой Генри в Оксфорде.

— Правда?! — Август не ожидал такого поворота.

<http://bllate.org/book/15929/1424205>